

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

УДК 81'42
ББК Ш105.51

ГСНТИ 16.31.00

Код ВАК 10.02.01

О. С. Иссерс, Н. В. Орлова
Омск, Россия

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯТЫ ПОНЯТИЯ «ВОВЛЕЧЕНИЕ В ЭКСТРЕМИСТСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

АННОТАЦИЯ. На примере понятия «вовлечение в экстремизм» показано, что исследование устных текстов, спорных с точки зрения наличия в них экстремистского содержания, может проводиться на основе нестандартных вопросов к специалисту-лингвисту, если стандартные (типовые) вопросы, обычно задаваемые по делам об экстремизме, не позволяют выяснить суть дела. Лингвистическое описание в этом случае выполняет функцию первичного метатекста, содержащего сведения для его дальнейшей интерпретации на основе специальных лингвистических знаний. В формулировке вопросов к специалисту-лингвисту не рекомендуется включать юридически определяемые термины — например, такие, как «призыв» или «экстремизм». Поэтому понятие экстремистской деятельности обычно раскладывается в них на семантические компоненты термина и его толкований в комментариях к законам, в результате чего используются выражения, определяемые в границах общелитературного языка. К ним относятся «негативная оценка действий представителей отдельных национальностей», «информация об исключительности, превосходстве либо неполноценности граждан по признаку их отношения к какой-либо национальной принадлежности», «причинно-следственная связь между неблагополучием в прошлом, настоящим и будущем представителей одной национальности, расы, религии и существованием, действиями представителей другой национальности, расы, религии» и некоторые другие. В анализируемом материале лингвистическими коррелятами понятия «вовлечения в экстремизм» являются разноуровневые прямые, косвенные, имплицитные средства выражения смыслов 'побуждение', 'совместные действия', 'группа лиц', 'план', 'перемещение людей'.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экстремизм; лингвистическая экспертиза; экстремистская деятельность; лингвистические корреляты.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Иссерс Оксана Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, декан факультета филологии и медиакоммуникаций, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского; 644077, Россия, г. Омск, пр-т Мира, 55а; e-mail: isserso@mail.ru.

Орлова Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, славянского и классического языкознания, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского; 644077, Россия, г. Омск, пр-т Мира, 55а; e-mail: nvorl@rambler.ru.

Задача «взаимной адаптации лингвистического и юридического понятийно-методологического аппарата, установления прямых корреляций между фактами языка и фактами права» [Осадчий 2012: 3] остается актуальной для специалистов в ситуации, когда одна сторона формулирует вопросы по спорному тексту, другая проводит его исследование. К настоящему времени выработаны ограничения на используемый в этом дискурсе лексикон. В частности, в формулировке вопросов к специалисту-лингвисту не рекомендуется включать юридически определяемые термины — например, такие как «призыв» или «экстремизм». Поэтому понятие экстремистской деятельности обычно раскладывается в них на семантические компоненты термина и его толкований в комментариях к законам (ФЗ № 114, статья 280 УК РФ, статья 282 УК РФ), в результате чего используются выражения, определяемые в границах общелитературного языка. К ним относятся «негативная оценка действий представителей отдельных национальностей», «информация об исключительности, превосходстве либо неполноценности граждан по признаку их отношения к какой-либо национальной принадлежности», «причинно-следственная связь между неблагополучием в прошлом, насто-

ящем и будущем представителей одной национальности, расы, религии <...> и существованием, действиями представителей другой национальности, расы, религии <...>» и некоторые другие. Практика подобных запросов отражена в междисциплинарных изданиях для экспертов, в частности в коллективной монографии [Исследование и экспертиза экстремистских материалов 2011]. Тот факт, что обозначенные таким образом смыслы перенесены из юридических текстов, не препятствует, а, наоборот, содействует искомой взаимной адаптации. Лингвист при этом работает с речевым материалом в пределах своей компетентности, а его выводы отвечают ожиданиям правоприменителя, так как являются готовыми ответами «по частям» на невербализованный запрос о наличии либо отсутствии в исследуемых текстах указаний на экстремистскую деятельность их авторов (говорящих).

Представляется, однако, что типовые вопросы, включающие вышеперечисленные и подобные выражения, не всегда позволяют выяснить суть дела, особенно если объектом исследования является устный межличностный дискурс. Характер смыслообразования в нем может потребовать особого внимания к косвенным формам передачи информации, а также к таким отраженным в

текстах референтным ситуациям, которые не соответствуют конкретному «пункту» из перечня видов экстремистской деятельности. С точки зрения лингвиста особенностям материала может отвечать вербализация в вопросах и ответах фреймов, сценариев, понятий, интенций, являющихся по отношению к вышеназванным (типовым) смысловым компонентам экстремистской деятельности разного рода смежными когнитивно-прагматическими образованиями — категориями иного уровня абстракции, семантическими и прагматическими пресуппозициями и т. д. Юристов такая переориентация не всегда устраивает по причине того, что исследование не приводит к «готовым ответам». На наш взгляд, валидность лингвистического описания естественной речи (текста) в ряде случаев состоит в создании информативного метатекста, вторичная интерпретация которого правоприменителем на основе его специальных знаний переводит ситуацию в плоскость права. Данная позиция согласуется с концепцией К. И. Бринёва, рассматривающего лингвистическую экспертизу как «действие, которое направлено на установление фактов, имеющих значение для разрешения того или иного дела» [Бринев 2013: 5].

Продемонстрируем сказанное на примере решения вопроса о наличии / отсутствии в дискурсе X. речевых признаков «вовлечения в экстремизм» (соответствующая прикладная задача ставилась перед авторами статьи в рамках производства лингвистической экспертизы). Актуальность предметной области исследования подтверждается целым рядом источников из сферы правоведения и политологии [Авдеев 2013; Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы 2010].

Методами исследования явились семантико-прагматический анализ слов и высказываний; когнитивно-семантический анализ фрагментов дискурса (коммуникативных ходов, диалогических обменов, речевых событий).

Пропозитивный смысл действия 'вовлечь' включает предикатный компонент '*побуждать*' и актантный компонент 'к участию в чем-л.' [Ефремова URL]. В свою очередь, 'участие в чем-либо' является включенной пропозицией с содержанием 'совместное с кем-то *действие*', что предполагает наличие *группы лиц*, к которой вовлекаемый (пациент) должен примкнуть, по замыслу субъекта вовлечения (агенса). Семантической предпосылкой вовлечения является отнесенность совместного действия к *будущему* по отношению к точке отсчета — побуждению. Таким образом, намечается схема, за-

дающая параметры анализа материала: побуждение (есть / нет?) → к действиям (какого характера?) → вместе с группой лиц (кто они?), → осуществляемых по плану (план существует? какой именно?).

На основе указанных смысловых компонентов, а также с учетом предварительного знакомства с речевым материалом заказчик совместно с экспертами сформулировал ряд вопросов.

С компонентом (а) 'побуждение' коррелируют вопросы о целях говорящего X., выраженных как во всем комплексе высказываний, образующих дискурс конкретного лица, так и в конкретных высказываниях; вопросы о целях уточняются упоминанием *убеждения, уговоров, указания, совета* как предполагаемых конкретных целей X.

Компонент (б) 'действие' запрашивается в формулировках, включающих слова и выражения *отъезд и присоединение к ИГИЛ*, преступления, убийства, причинение вреда здоровью*.

Компонент (в) 'группа лиц' соотносится с вопросом о смысловом содержании слов *«братья»* и *«гнездо»* в дискурсе X. и о том, можно ли по определенным фрагментам дискурса судить о референтной соотнесенности *«братьев»* со сторонниками ИГИЛ*. См. контексты этих слов: *У меня еще один вариант есть через Тунис, может через Тунис поедем, там тоже наши братья есть; Если б они [речь идет о правоохранительных органах] об этом узнали, они бы разрушили наше гнездо*. Аналогичные примеры будут приведены ниже.

Наконец, компонент (г) 'отнесенность совместного действия к будущему' стал поводом для вопросов о *планировании* действий и о том, какие именно действия *планируются*.

При анализе материала с точки зрения компонента (а) важно не только выявить высказывания, входящие в «базовый список побудительных речевых актов» [Петрова 2008: 132], но и учесть косвенно выраженную побудительность [Функционально-типологические аспекты анализа императива 1990; Иосифова 2006]; последняя, согласно теории речевого воздействия, может пересекаться с оценочной стратегией, выражаться в виде аргументативных блоков дискурса и т. д. [Иссерс 2008].

Особого комментария требуют вопросы, ориентированные на компонент (б). Характер действия — один из важнейших критериев экспертной оценки текста, о чем свидетельствует практика описания и квалификации потенциальных призывов к экстремистской деятельности. Согласно авторитетной

методике анализа таких текстов, изложенной в работе [Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму 2011: 22—23], «образ способа совершения действия» является критерием выраженности в текстах «экстремистского» значения. Что касается анализируемого материала, то одним из действий, к которому наиболее регулярно побуждает собеседников Х., является передвижение на не называемую им прямо территорию. Само по себе передвижение не подлежит ни правовой, ни какой-либо другой оценке, но восстановление всего фрейма передвижения, включая конечную точку маршрута («цель» в терминологии семантических ролей) релевантно для реконструкции деятельности Х.

Компонент (в) иллюстрирует необходимость специального анализа слов, имеющих дискурсообразующее значение, — установления их особенного сигнификата и референции в дискурсе.

Компонент (г) позволил в ответах на вопросы исчислить все совместные действия Х. и его собеседников, которые Х. вводит в дискурс как планируемые.

Компоненты (а) и (б) отражены в вопросе со следующей формулировкой: «Содержится ли в представленных фрагментах телефонных разговоров прямое либо косвенное обозначение говорящим своих коммуникативных целей, а именно убеждения, уговоров собеседника в необходимости отъезда и присоединения к ИГИЛ*»? Ответ на него (в сокращенном виде) представлен далее как пример, демонстрирующий неоднородность значимых для ответа речевых фактов. Ограничившись здесь демонстрацией описания отдельных коммуникативных ходов и обменов (не затрагивая уровня стратегий), констатируем возможность аспектировать материал по следующим основаниям: семантика — прагматика; прямые — косвенные репрезентанты значений; лингвистический — нелингвистический характер информации (соответственно, возможность — невозможность применения специальных знаний лингвистами-экспертами).

Отмечено, в частности, следующее:

1) Х. прямо обозначает собеседнику свою цель как уговоры уехать в предстоящем разговоре с третьим лицом: Х. — *Завтра «Р» приедет, я его тоже уговорю, чтобы он с нами уехал.* Пресуппозиция (см. *тоже*) указывает, что Р. не единственный, кого Х. уговорил (собирается уговорить) уехать;

2) Х. дает ИГИЛ* косвенную положительную оценку. В одном из обменов репликами

Х. устанавливает кореферентность аббревиатуры «ИГИЛ*» и ценностно окрашенного выражения «наши братья». На вопрос собеседника: «*В Египте есть наши братья?*» — Х. отвечает: «*Да, конечно, в Египте тоже есть ИГИЛ**». Выражение «наши братья» указывает на единомышленников, «братьев» по вере, о чем подробнее говорится в ответе на специальный вопрос. В форме компаратива положительно характеризуется ИГИЛ* (в реплике «ИГ*»), действующее на территории Сирии: *Когда пришел ИГ*, христиане платят джизу [религиозный налог]... Или принимай ислам, или плати джизу, или мы будем с вами воевать. Христиане, кто платит джизу, их никто не трогает, при Асаде было хуже;*

3) Х. сочувственно цитирует президента Турции, который прибытие в Сирию характеризует как «*помощь своим братьям*»: *Президент Турции хороший... Президент [Турции] одно время говорил, езжайте в Сирию, помогайте своим братьям;*

4) конечная точка маршрута в диалоге Х. и его собеседника обозначается «*к братьям*»: С. — *Как получишь деньги, сразу возьми двух русских девушек и скажем им, что на отдых полетим, и с ними пересечем границу под видом туристов, а сами к братьям поедем, я очень сильно здесь устал.* — Х. — *Да, брат, так и надо делать, это очень хороший вариант;*

5) используется абстрактная лексика «там», «туда». Местонахождение «там», «туда» ассоциируется с военными действиями: Х. — *Я <...> сказал, я там себя тоже буду беречь, 2—3 бронжилета буду одевать, каску одевать;*

6) конечная точка маршрута обозначается различными косвенными средствами: *скоро закроют границу; чтобы доехать туда, нужно 150 000 рублей; надо российский паспорт взять, в городе N. есть человек, который сделает поддельный паспорт; сейчас на границе много подстав, тебе скажут приезжай сюда, мы тебе поможем пересечь границу, а это на самом деле нештатные сотрудники ФСБ, после приезда тебя задерживают; На границе в Турции, там не братья ждут, там ФСБ; Он едет через Таджикистан, а нам лучше ехать через Турцию; У меня еще один вариант есть через Тунис, может через Тунис поедем, там тоже наши братья есть;*

7) из фрагментов (3—6) следует возможность реконструировать фрейм «передвижение людей» с заполненными слотами «географическое положение конечной точки маршрута», «военные действия в конечной точке маршрута», «цель перемещения», «препят-

ствия на пути' и др.

В выводах по вопросу отмечается, что Х. в прямой форме обозначает свою цель — уговоривать разных лиц уехать с ним и другими лицами в не называемом прямо направлении (1). При сопоставлении фрагментов устанавливаются смысловые связи между ситуациями «уговорю ехать с нами», «ехать к братьям», «ИГИЛ* — братья» (2, 3, 4). Сирия как конечная точка маршрута называется в цитате из речи президента Турции (3). В ряде случаев место назначения указывается косвенно. В стране, о которой идет речь, идут военные действия (5). Это не Таджикистан, не Турция, не Тунис, но место, куда можно попасть через эти страны (6). Представленные фрагменты в их совокупности не исключают того, что Х. выражает намерение в предстоящем разговоре уговорить собеседника уехать с ним и другими (неназванными) лицами, чтобы присоединиться к ИГИЛ*.

Последнее суждение представляет собой инференцию на основе экстралингвистических знаний обычного человека и по этой причине, согласно общепринятым представлениям о границах компетентности эксперта-лингвиста, не имеет права на включение в текст исследования, хотя бы и в модальности «не исключено». Однако, во-первых, специалисты по семантике все чаще говорят о зыбкости границ между лингвистическим и нелингвистическим знанием, а во-вторых, и это важнее в данном случае, выявленные сведения окололингвистического характера полезны для тех, «кто понимает». Отсюда следует, что прямые корреляции между фактами языка и фактами права как декларируемый идеал взаимодействия специалистов разных областей могут и должны рассматриваться наряду с корреляциями более сложной природы.

Представленный в статье материал дает возможность говорить о следующих лингвистических коррелятах понятия права «вовлечение в экстремизм». Сообщения Х. о характере его речевых действий (*тоже уговорю*); его оценки ИГИЛ* (*ИГИЛ* — наши братья; Когда пришел ИГ*... — ...при Асаде было хуже*), одобрение стремления собеседника уехать (*так и надо делать*) являются **прагматическими коррелятами** понятия 'вовлечение', причем значительная доля прагматических средств — косвенные. 'Отъезд' как один из компонентов деятельности, в которую Х. вовлекает собеседников, прямо выражен **коррелятами на уровне семантики высказываний** — пропозициями движения, перемещения. 'Присоединение к ИГИЛ' как цель отъезда и собственно

«экстремистское» значение **не выражено языковыми знаками**: его лингвистическими коррелятами являются разного рода **номинативы**, заполняющие в дискурсе Х. обязательные и факультативные слоты **фрейма 'перемещение людей на некую территорию'**. Адекватная интерпретация выражений, представленных в лингвистическом описании как слоты фрейма 'перемещение людей на некую территорию', может осуществляться носителем фоновых знаний о мерах предупреждения экстремизма и терроризма. Иначе говоря, чтобы установить референцию к конечной точке и цель движения, требуется определенный объем профессиональных фоновых знаний сотрудников специальных служб. Вывод более общего характера состоит в том, что лингвистическими методами из текстов извлекаются нетривиальные сведения, значимые для решения вопроса о наличии/отсутствии в них признаков экстремизма, но не тождественные семантическим компонентам термина «экстремизм», эксплицированным в юридических текстах. Решение вопроса, формулируемое на языке закона, в этом случае остается за правоприменителем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеев Ю. И. Экстремизм в современной России: основные тенденции и проблемы противодействия // Вестн. Москов. гос. обл. гуманитар. ин-та. Серия: история, философия, политология, право. 2013. № 1. URL: <http://ggtu.ru/smi/vestnik/Vestnik%20Философия%201%20%282013%29.pdf> (дата обращения: 16.05.2017).
2. Бринев К. И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. — М.: Либроком, 2013. 200 с.
3. Ефремова Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/247899/>.
4. Иосифова В. Е. Употребительность в естественном диалоге прямых и косвенных речевых актов, выражающих побуждение (на материале устной речи жителей г. Калуги). К проблеме изучения языка города: дис. ... канд. филол. наук / Калуж. гос. пед. ун-т. — Калуга, 2006. 192 с.
5. Исследование и экспертиза экстремистских материалов / СибАНС; под науч. ред. Л. В. Савинова. 2-е изд., доп. и перераб. — Новосибирск, 2011. 357 с.
6. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — М.: УРСС: ЛКИ, 2008. 288 с.
7. Осадчий М. А. Публичная речевая коммуникация в аспекте управления правовыми рисками: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Кемерово, 2012. 73 с.
8. Петрова Е. Б. Каталогизация побудительных речевых актов // Вестн. ВГУ. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2008. № 3. С. 124—133.
9. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму / О. В. Кукушкина, Ю. А. Сафонова, Т. Н. Секераж. — М.: РФЦСЭ при Минюсте России, 2011. 330 с. URL: <http://www.rusexpert.ru/public/guide/6.pdf> (дата обращения: 15.05.2017).
10. Функционально-типологические аспекты анализа императива. Ч. 2. Семантика и прагматика повелительных предложений / Л. А. Бирюлин, В. С. Храковский (отв. ред.). — Л.: Наука, 1990. 367 с.
11. Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы / под ред. проф. А. И. Долговой. — М.: Криминологическая ассоциация, 2010. 530 с.

O. S. Issers, N. V. Orlova
Omsk, Russia

LINGUISTIC CORRELATES OF THE CONCEPT "ENGAGEMENT IN EXTREMIST ACTIVITY"

ABSTRACT. *Based on the concept "engagement in extremist activity" the paper argues that oral texts, which are supposed to be extremist by some scholars, may be analyzed with the help of unusual questions to the expert in linguistics, if ordinary (typical) questions, often asked in the cases concerning extremism, don't help to solve the case. Linguistic description has the function of primary metatext, which has information necessary for its further interpretation on the basis of non-linguistic knowledge. It is recommended that the questions didn't include legal terms, for example "plea" or "extremism". The concept of extremist activity is usually studied from the point of view of its semantic components and their interpretation in the law, it results in the use of phrases belonging to literary language. They include "negative evaluation of activity of some national minorities", "superiority or inferiority of some nationalities", "cause and effect correlation between problems in the past, present or future of one nationality, race or religion and the actions of the other nationality, race or religion", and some others. The analyzed material showed that linguistic correlates of "engagement in extremist activity" are direct, indirect or implicit means of expression of "motive", "cooperation", "a group of people", "plan", "movements of people".*

KEYWORDS: *extremism; linguistic expertise; extremist activity; linguistic correlates.*

ABOUT THE AUTHORS: *Issers Oksana Sergeevna, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Theoretical and Applied Linguistics, Dean of the Faculty of Philology and Media Communications, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia.*

Orlova Natalia Vasilyevna, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language, Slavic and Classical Linguistics, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia.

REFERENCES

1. Avdeev Yu. I. Ekstremizm v sovremennoy Rossii: osnovnye tendentsii i problemy protivodeystviya // Vestn. Moskov. gos. obl. gumanitar. in-ta. Seriya: istoriya, filosofiya, politologiya, pravo. 2013. № 1. URL: <http://ggtu.ru/smi/vestnik/Vestnik%20Filosofiya%201%20%282013%29.pdf> (data obrashcheniya: 16.05.2017).
2. Brinev K. I. Spravochnik po sudebnoy lingvisticheskoy ekspertize. — M.: Librokom, 2013. 200 s.
3. Efremova T. F. Novyy tolkovo-slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/247899/>.
4. Iosifova V. E. Upotrebiteľnost' v estestvennom dialoge pryamykh i kosvennykh rechevykh aktov, vyrazhayushchikh pobuzhdenie (na materiale ustnoy rechi zhiteley g. Kalugi). K probleme izucheniya yazyka goroda: dis. ... kand. filol. nauk / Kaluzh. gos. ped. un-t. — Kaluga, 2006. 192 s.
5. Issledovanie i ekspertiza ekstremistskikh materialov / SibANS; pod nauch. red. L. V. Savinova. 2-e izd., dop. i pererab. — Novosibirsk, 2011. 357 s.
6. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. — M.: URSS: LKI, 2008. 288 s.
7. Osadchiy M. A. Publichnaya rechevaya kommunikatsiya v aspekte upravleniya pravovymi riskami: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Kemerovo, 2012. 73 s.
8. Petrova E. B. Katalogizatsiya pobuditel'nykh rechevykh aktov // Vestn. VGU. Ser. «Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya». 2008. № 3. S. 124—133.
9. Teoreticheskie i metodicheskie osnovy sudebnoy psikhologo-lingvisticheskoy ekspertizy tekstov po delam, svyazannym s protivodeystviem ekstremizmu / O. V. Kukushkina, Yu. A. Safonova, T. N. Sekerazh. — M.: RFTsSE pri Minyuste Rossii, 2011. 330 s. URL: <http://www.rusexpert.ru/public/guild/6.pdf> (data obrashcheniya: 15.05.2017).
10. Funktsional'no-tipologicheskie aspekty analiza imperativa. Ch. 2. Semantika i pragmatika poveliteľnykh predlozheniy / L. A. Biryulin, V. S. Khrakovskiy (otv. red.). — L.: Nauka, 1990. 367 s.
11. Ekstremizm: sotsial'nye, pravovye i kriminologicheskie problemy / pod red. prof. A. I. Dolgovoy. — M.: Kriminologicheskaya assotsiatsiya, 2010. 530 s.

ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА».
Уральский государственный педагогический университет. 2017 г., №3, с.132-136. ISSN: 1999-2629.